„Сов. музыкант" № 11 1979 г. 12 сент.

ТВОРЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ ПИАНИСТОВ

Четвертое творческое собрание педагогов фортепианного факультета состоялось 14 июня и было посвящено памяти выдающегося советского пианиста профессора Московской консерватории Григория Романовича Гинзбурга. Вел собрание проф. К. Х. Аджемов. В присущей ему мягкой доверительной манере он рассказал о своих встречах и беседах с Григорием Романовичем и о том впечатлении, какое производила игра пианиста на слушателей. Затем с воспоминаниями о Г. Р. Гинзбурге выступили его ученики и. о. проф. Г. Б. Аксельрод, С. Л. Доренский, а также проф. Т. П. Николаева. Нет, это не были тщательно подготовленные и отредактированные воспоминания. Просто и живо, в импровизационной форме выступавшие рассказывали о различных эпизодах из жизни Григория Романовича. Казалось бы, не связанные между собой, эти эпизоды помогали составить яркое представление об артистическом облике замечательного пианиста и его взглядах на педагогический процесс. На собрании звучало много музыки: были прослушаны записи Григория Романовича произведений Моцарта, «Токкаты» и «Вариации на тему Абегг» Шумана и его же обработки этюдов Паганини, записи этюдов Шопена и Скрябина и наконец записи обработок Листа двух песен Шуберта («Маргарита за прялкой» и «Лесной царь»).

Совершенно очевидно, что отбор записей преследовал цель по возможности широко представить творческий диапазон артиста. И нужно сказать, что слушатели получили полные и разносторонние впечатления. В особой степени это относится к слушателям старшего поколения, которые неоднократно бывали на концертах Гинзбурга и теперь могли сравнить свои впечатления различных периодов. Сейчас кажется странным и непонятным, как иные музыканты (из категории «всезнайка»), не желая проникнуться исполнительскими идеями Гинзбурга, критиковали его за... безукоризненное мастерство. Но, конечно, существовали и более авторитетные мнения. Вот что писал о Гинзбурге С. Е. Фейнберг: «Гинзбургу были чужды внешние эффекты, погоня за оригинальностью или модным. Его творческая мысль как бы шла по пути, предназначенному авторским замыслом. Именно поэтому в его исполнении, самобытном и проникновенном, не было ничего случайного и необоснованного. Благодаря совершенству технического аппарата, благодаря огромной виртуозности, не имевшей, казалось, границ, ему удавалось перенести звучание произведения в ту трудно достижимую область, где все качественно преображается, получая новую окраску, новую смысловую и эмоциональную проникновенность и захватывающую силу. Такими запомнились в его исполнении мощные нарастания в Первом концерте Чайковского, искрящиеся, необузданные порывы веселья на пороге трагической бездны в листовской фантазии «Дон-Жуан», безнадежная борьба за молодую жизнь в «Лесном царе» Шуберта—Листа...» (С. Фейнберг. Тяжелые утраты: «Советская музыка», 1962, № 2, с. 96—97).

Сегодня рельефнее воспринимаются замыслы артиста, умение лепить совершенную форму, декламационность его фразировки, точность звуковых и темповых характеристик. Все, что делал Гинзбург, кажется логичным и простым, но это простота высшего порядка, доступная лишь большим мастерам.

Обо всем этом думалось после прослушивания записей Г. Р. Гинзбурга. Это интереснейшее собрание привлекло внимание многих музыкантов, жаль только, что на нем (впрочем, как и на предыдущих) было мало студентов.

Ведь они в первую очередь должны знакомиться с творческим наследием выдающихся представителей нашего факультета.

В. А. НАТАНСОН, профессор.